

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ ВЫБОРА ИМЕН У РЮРИКОВИЧЕЙ: КНЯЗЬЯ-ТЕЗКИ И ИХ ПАТРОНАЛЬНЫЕ СВЯТЫЕ

In the present paper the principles of namegiving the Rurikides dynasty in XIV—XVI centuries are analyzed. Even in the pre-Mongolian Rus' there was prohibition of naming a child by the name of his living father or grandfather. In the paper it is shown that this prohibition did not completely disappear even in XIV—XVI centuries. If the son and father had the same name (Ivan Ivanovich, Vasily Vasiljevich etc.), then they had different saint' patrons. If a child had the name of his deceased relative, he had the same saint patron as his older relative. Finally, if several sons in the family had the same name, they were called in honor of the same saint.

Одной из важнейших причин возникновения христианской многоименности является обязательность для князя родового имени. После крещения Руси члены правящего рода продолжают получать имена, никак не связанные с христианским именословом: *Ярослав, Мстислав, Всеволод* и т. п. С другой стороны, при крещении княжич получал и христианское имя: *Георгий, Василий, Иван, Андрей* и др. Таким образом, в XI–XII вв. у князя чаще всего было по крайней мере два имени – родовое и крестильное (христианское).

Принцип наречения родовым именем был характерен для Рюриковичей на всем протяжении их существования как русской правящей династии. Член княжеского рода должен был получить подобающее имя, чтобы занять свое место в системе родовых и династических отношений.

Достаточно рано, однако, функцию родовых имен начинают принимать на себя имена христианские. Исконные, языческие по происхождению имена со временем делаются попросту «ненужными» и хотя и очень медленно, но неуклонно вытесняются из родового обихода. Тем не менее, как в прежние раннехристианские времена далеко не всякое языческое имя годилось для князя, так и позднее, в XIV–XVI вв., круг христианских имен, которые давались в семье Рюриковичей, был весьма ограничен. И в том и в другом случае пригодными оказывались лишь те имена, которые уже носили предки новорожденного наследника.

В домонгольский период, когда родовые имена князей были связаны с миром язычества, нарекали исключительно в честь умерших предков – существовал строгий запрет на повтор имени прямых предков, если ко времени появления княжича на свет те были еще живы. Иными словами, не следовало называть ребенка *Всеволодом Всеволодичем* или *Олегом Ольговичем*, если он родился при жизни своего отца, не годилось и имя живого деда.

С другой стороны, с точки зрения интересов династии символическое уподобление новорожденного наследника живущему и правящему отцу или деду было бы чрезвычайно выгодным и эффективным. Однако столь буквальное отождествление одного из сыновей или внуков с правителем оправданно лишь при стремлении к жесткой централизации и строго вертикальному принципу престолонаследия. Такое стремление могло возникать у князя, выбирающего имя для своего потомка, на разных этапах истории рода, однако нужны были совершенно определенные условия, чтобы он мог столь наглядно демонстрировать подобные намерения в акте имяназрения.

Пока существовали древние родовые ограничения в том, что касалось преемственности власти, и в том, что относилось к родовым ценностям, связь между именованием живого отца и сына могла устанавливаться лишь косвенными путями. Распространение христианских имен оказало немалое влияние на систему имяназрения в целом. Запрет на повтор имен «живущих предков» явно претерпевает существенные изменения: действительно, уже в конце XII в. отец может выбирать для сына свое собственное крестильное имя [см. об этом подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 36–109]. Более того, с XIII в. встречаются и отдельные случаи совпадения нехристианских, мирских имен живого деда и внука, а впоследствии живого отца и сына. Внук Всеволода Большое Гнездо становится тезкой своего деда еще при жизни последнего. В первой половине XIII в. появляется и знаменитый князь Ярослав Ярославич (брат Александра Невского), родившийся задолго до кончины своего отца, Ярослава Всеволодича, и тем не менее носящий его родовое имя.

На первый взгляд может показаться, что архаический запрет со временем совершенно исчезает из жизни династии. По крайней мере, имена поздних Рюриковичей, правивших в XV–XVI вв., невольно провоцируют подобный вывод. В самом деле, Иван Калита называет одного из своих сыновей *Иваном*, а Симеон Гордый – *Симеоном*, Василий Темный был сыном Василия Дмитриевича, Иван Молодой – старшим сыном Ивана III, имя *Иван* носил и один из сыновей Ивана Грозного. Появляется даже формула «отеческое, отчее имя», призванная подчеркнуть совпадение имен отца и сына¹. Тем не менее старая родовая традиция, воплотившаяся в христианских именах, видоизменяясь, отнюдь не утрачивает своей силы. Многочисленные Василии и Иваны из рода Рюриковичей зачастую одновременно являются и не являются тезками.

Каков же был этот механизм расподобления тезок?

В домонгольской Руси наречение князя, к примеру, *Всеволодом* или *Святославом* уподобляло его не только кому-то из ближайших предков, носивших это княжеское имя, но и всему ряду прежде живших Всеволодов и Святославов из рода Рюриковичей.

¹ Ср., например, свидетельство летописи о рождении сына у Ивана Грозного: «Егда же приспе время, и родися има богодарованныи сынъ и наречень бысть очимъ именемъ царевичъ Иванъ» [ПСРЛ, 19, 485].

Если речь шла об умерших предках, то существенным оказывалось не различие, а объединение всех князей, обладавших одним и тем же именем.

В известном смысле так же дело обстояло и с христианскими святыми. Князь, получивший в крещении имя *Андрей*, чтит, по-видимому, и апостола Андрея, и Андрея Стратилата, и Андрея Критского, и всех прочих своих святых-тезок. Определенного рода синкретизм в отношении своей «небесной генеалогии» соответствовал тому синкретизму культа одноименных предков, который имел место в «генеалогии земной».

К последней трети XII в. постепенно складывается традиция, прочно связывающая каждое событие и отсчет времени в целом с днями празднования памяти определенных святых [см. об этом подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 79]. К московскому же периоду истории княжеского рода вся жизнь князя, от первого до последнего дня, соотносилась с памятью того или иного святого. Каждый день был днем церковного праздника, и всякому событию могло быть приписано определенное символическое значение в зависимости от того, «на чью память» оно выпадало. С другой стороны, заметные вехи в истории рода надолго, если не навсегда, могли окрашивать в определенные тона тот или иной день месяцеслова, праздник и имя того или иного святого.

Эта сложная система, где соответствия, выбранные людьми, сочетались с соответствиями, предопределенными свыше, требовала, разумеется, тонкого разграничения святых-тезок. Условно говоря, тенденцию к синтезу, характерную для домонгольской Руси, со временем сменяет тенденция к анализу.

Круг родовых христианских имен Рюриковичей был, как уже говорилось, весьма ограничен, отчасти он был унаследован еще из домонгольской поры. При этом, с одной стороны, далеко не каждое имя годилось для князя, и, с другой стороны, не каждый святой, носивший «княжеское» имя, мог сделаться официальным патроном Рюриковича. Характерно, однако, что святых Иоаннов, например, «годившихся» в качестве официальных святых покровителей для князя, традиция признавала несколько. Точно так же обстояло дело и со святыми Василиями или святыми Симеонами. Иными словами, носитель имени *Иван* мог быть крещен как в честь Иоанна Предтечи, так и в честь Иоанна Златоуста или в честь Иоанна Лествичника. Существенно, что официальный патрон князя был широко известен – церковное строительство, иконописание, дни монастырских кормлений и многие другие атрибуты почитания связывались с памятью именно этого святого.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к запрету на повтор имени живого предка в родовой традиции. Выбирающий имя для княжича получал в ситуации разграничения святых-тезок большие дополнительные возможности. Действительно, ребенок мог быть назван тем же именем, что носил его правящий отец или дед. Тем самым устанавливалась его прямая преемственность по отношению к предку, в данный момент обладающему властью. При этом обходился и запрет на тождество имен живого предка и потомка. В самом деле, если сын князя, крещенного в честь Василия Кесарийского, был крещен, скажем, в честь св. Василия Парийского, это отличало его от отца, хотя их имена и совпадали.

В практике имянаречения подобное распределение патрональных святых соблюдалось весьма последовательно: сын, нареченный при жизни отца его именем, в качестве небесного покровителя обязательно получал другого святого, нежели его отец. Начнем с рассмотрения самой поздней по времени именной пары такого рода – с имен Ивана IV и его сына, царевича Ивана.

Хорошо известно, что официальным покровителем царевича Ивана Ивановича был св. Иоанн Лествичник. В частности, именно он был изображен на образке царевича, изготовленном для его крестного отца митрополита Макария². После гибели Ивана Ивановича Грозный отдает распоряжение о строительстве придела Иоанна Лествичника в Архангельском соборе, фамильной усыпальнице последних поколений царствующих Рюриковичей³. Память Иоанна Лествичника могла быть соотнесена по календарю с датой рождения царевича – 28 или 29 марта [см.: ПСРЛ, 13, 239; Зимин, 1950, 19; Карамзин, 1892, 8, 50, примеч. 391], так как приходилась на 30 марта. Впрочем, дело здесь обстоит не так просто, поскольку 30 марта праздновалась память не только Лествичника, но, согласно некоторым месяцесловам, и память Иоанна Иерусалимского, а также Иоанна Безмолвника [см.: Арх. Сергей, 1901, 2, 91]. Таким образом, у нарекающих именем был целый ряд возможностей при выборе патронального святого. Однако не вызывает никаких сомнений, что официальным покровителем царевича стал именно Иоанн Лествичник.

Исследователями уже отмечалось, что у Ивана Грозного было несколько неофициальных небесных патронов, чья память была связана с датой его рождения [см.: Успенский Б. А., 1996–1997, 2, 201–202; Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 72, 99]. При этом имя его официального святого патрона может быть названо совершенно определенно: это Иоанн Предтеча. Наречение Ивана Васильевича соотносилось с праздником Усекновения Главы Иоанна Крестителя⁴. Этот праздник приходился на 29 августа, а сын Василия III, будущий царь Иван Грозный, родился 25 августа, в день апостолов Тита и Варфоломея.

Можно было бы допустить, что отцу и сыну достались разные патрональные святые исключительно в результате календарных расчетов. К дате рождения одного из них было ближе празднование памяти Иоанна Лествичника, а к дате рождения другого – Иоанна Предтечи. Следовательно, несовпадение их святых покровителей можно было бы считать делом случая. Однако данному выводу противоречит ряд обстоятельств, и в первую очередь – строгая регулярность подобных «несовпадений».

Родной дед Ивана Грозного, Иван III, также дал свое родовое имя собственному сыну, Ивану Ивановичу Молодому. По случаю его рождения Иван III возвел каменную церковь Иоанна Предтечи «на Бору», так что мы можем с достаточной степенью определенности утверждать, что именно Иоанн Предтеча был патрональным святым новорожденного княжича. Официальным же покровителем самого Ивана III был, как известно, Иоанн Златоуст. Любопытно, что, закладывая в 1479 г. каменную церковь

² На лицевой, обращенной наружу стороне этого образка был изображен Иоанн Лествичник – святой, тезоименный царевичу по его официальному, династическому имени, тогда как на оборотной, обращенной внутрь стороне – святые Марк Арефусийский и Кирилл диакон, те святые покровители, которые связаны с его днем появления на свет [см.: Постникова-Лосева, 1976, 231].

³ Ср. также свидетельство Никоновской летописи об освящении церкви Иоанна Лествичника в 1557 г., на котором присутствовали Иван Грозный, царица Анастасия и сам Иван Иванович [см.: ПСРЛ, 13, 276]. Подробнее о строительстве церквей, посвященных главному патрональному святому царевича, см.: [Мельник, 1999, 42 и след.].

⁴ О строительстве при Василии III и Иване Грозном церквей, посвященных Иоанну Предтече, см. подробнее: [Мельник, 1999, 39–41].

Златоуста в Москве, Иван III устраивает в нем придел апостола Тимофея, своего «непубличного» святого, в день памяти которого великий князь появился на свет: «понеже бо имя его наречено бысть, егда бываетъ праздникъ възвращения честныхъ мощей Иоанна Златоустаго <...> А въ застенке тоа церкви повеле церковь другую учинити, Тимофеа Апостола, въ той бо день родился» [ПСРЛ, 12, 192; ср.: Мельник, 1999, 38].

Дата рождения Ивана III хорошо известна: он родился 22 января 1440 г., а 27 января церковь празднует Перенесение мощей Иоанна Златоуста. В свою очередь, Иван Иванович Молодой родился 15 февраля 1457 (1458?) г.: «Тое же зимы, февраля въ 15 день, въ среду на Феодорове неделе, егда начаша часы пети, родился великому князю Ивану сынъ и наречень бысть Иванъ» [ПСРЛ, 12, 112]. Показательно, что княжич родился на Феодоровой неделе, первой неделе Великого поста, когда в субботу церковь праздновала явление св. Феодора Тирона цареградскому епископу Евдоксию. В год рождения царевича суббота приходилась на 18 февраля. Более того, на 17 февраля выпадал и неподвижный праздник св. Феодора Тирона.

Иными словами, по двум возможным системам отсчета одно из празднований Феодора Тирона приходилось на третий день после рождения княжича. В любом случае эти праздники находились в непосредственной близости ко дню появления ребенка на свет. *Феодор* же издавна было родовым христианским именем Рюриковичей, причем Феодор Тирон (святой воин) был одним из популярнейших патрональных святых. Однако Иван III счел более уместным обозначить родовые права своего старшего сына, дав ему свое собственное имя. При этом патрональный святой княжича, Иоанн Креститель, не совпадал с патрональным святым его отца-тезки. Как известно, с именем Иоанна Крестителя связано несколько больших церковных праздников. Один из них – Обретение главы Иоанна Предтечи – приходится на 24 февраля. Таким образом, при выборе официального имени для Ивана Молодого на календарь ориентировались лишь до некоторой степени: княжич получил имя не ближайшего из почитаемых князьями святых, а того, который лучше подходил по династическим соображениям.

Когда Иван Молодой родился, то он, будучи старшим сыном, мыслился как главный наследник своего отца. Однако этим планам не суждено было осуществиться: княжич умер в 1490 г., т. е. еще при жизни отца. После него остался сын, знаменитый Дмитрий Иванович Внук, который при жизни деда венчался на великое княжение и при жизни же деда лишился своего статуса наследника. Преемником Ивана III стал его второй сын Василий, будущий отец Ивана Грозного (подчеркнем еще раз, что Иван Молодой приходился Грозному родным дядей).

Для нас весьма существенно, что Василий Иванович, сделавшись великим князем, называет своего старшего сына *Иваном*, т. е. тем же именем, которое носили дед и родной дядя ребенка. По-видимому, такой выбор имени отсылает к обоим умершим родичам. Дед ребенка (Иван III) был одним из самых могущественных московских великих князей. Получив его имя, новорожденный становился его тезкой по имени и отчеству, так как и дед, и внук именовались *Иванами Васильевичами*.

С другой стороны, новорожденный, как и его умерший дядя, был старшим сыном, и оба они мыслились как наиболее естественные и легитимные преемники своих отцов. Соотнесение с дядей, таким образом, также было полезно для княжича. О том, что это соотнесение действительно имело место, говорит тот факт, что дядя и племянник не только были тезками по родовому имени, но и имели одного и того же официального

небесного патрона – Иоанна Крестителя, хотя их дни рождения связывались с разными календарными праздниками в честь этого святого⁵. Совпадение святого покровителя живого и умершего Рюриковича, по всей видимости, не только не было под запретом, но и сознательно поддерживалось и культивировалось.

Вернемся, однако, к ситуации, когда родовые имена отца и сына совпадают. Такого рода примеры встречаются и в XIV в., хотя этот материал более труден для исследования, так как данных о княжеских патрональных святах того времени сохранилось существенно меньше. При этом мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что святым патроном Ивана Даниловича Калиты, например, был Иоанн Предтеча. Во всяком случае, именно Предтеча всегда изображается на печатах в качестве небесного покровителя князя [см.: Янин, 1970, 2, 25–26, 28, 164–165]. Как известно, одного из сыновей Калиты звали *Иваном Ивановичем*. В честь какого же святого он получил свое родовое христианское имя?

Судя по летописным данным, этот князь родился 30 марта 1326 г.: «...родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника» [ПСРЛ, 25, 167]. В этот день праздновалась память Иоанна Лествичника, Иоанна Иерусалимского и Иоанна Безмолвника. Известно, что в 1329 г., через три года после рождения этого сына, Калита возвел в московском Кремле церковь в честь Иоанна Лествичника [см.: ПСРЛ, 7, 202; 10, 201; 15 (Рогожский летописец), 45; 18, 91; 20 (1), 178; 25, 169; Приселков, 1950, 359]. Что же касается печатей Ивана Ивановича Красного, то изображения на них читаются с трудом, с иконографической точки зрения содержат определенные противоречия и не могут быть с абсолютной надежностью соотнесены ни с кем из святых Иоаннов.

В. Л. Янин предполагал, что резчик этих печатей, новгородец, мог быть не осведомлен о том, кто из Иоаннов был небесным покровителем князя, и потому избирал некоторый промежуточный, обобщенный образ святого [см.: Янин, 1970, 2, 29]. Такая интерпретация представляется нам вполне вероятной. Трудно сказать, насколько подобный синкретизм в почитании святых был допустим к XIV в. для самих князей Рюриковичей. С нашей точки зрения, в эту эпоху уже имело место разграничение святых-тезок, которое и делало возможным, как уже говорилось, совпадение родовых христианских имен отца и сына. Однако отголоски подобного «синтеза» были вполне возможны. Тем более возможны были они в Новгороде, до некоторой степени дистанцированном в то время от тонкостей династической стратегии Рюриковичей, в большей мере ориентированном на старые традиции.

В то же время, если говорить о святом покровителе Ивана Ивановича Красного, то вероятнее всего им был именно Иоанн Лествичник, тем более что двое других Иоаннов, чья память связана с датой 30 марта, были достаточно «экзотическими» для рус-

⁵ Можно предположить, что династический конфликт вокруг наследника старшего брата, Дмитрия Внука, наложил определенный отпечаток на начало царствования Василия III. Не исключено, что Грозный не только был хорошо осведомлен об этом конфликте, но и знал, что его собственное родовое имя призвано передать ему те права, которыми располагал некогда его покойный дядя, Иван Молодой. Во всяком случае, старшего сына Грозный называет так же, как в свое время был назван старший сын его дяди, – *Дмитрием*, воспроизводя тем самым целую родовую антропонимическую последовательность.

ской церкви, их имена фиксировались в весьма ограниченном числе месяцесловов. Иоанн Лествичник был единственным из этих святых Иоаннов, чья память явным образом почиталась на Руси. О. В. Лосева склонна усматривать изображения Лествичника и в значительной части варьирующих образов на печатях Ивана Ивановича Красного [см.: Лосева, 2001, 130–131].

Таким образом, и у этих князей, отца и сына, при совпадающих родовых именах скорее всего были различные патрональные святые. При этом, как видно из приведенных выше примеров, «закономерность несовпадения» распространяется только на живых предков. Если у княжича с умершим предком совпадает и имя, и святой покровитель, то это несколько не противоречит родовой традиции, а напротив, в высшей степени соответствует ей. По-видимому, такие совпадения вполне могли быть частью родовой антропонимической стратегии. В частности, могли обыгрываться полные совпадения имен, отчеств и патрональных святых.

Так, с одной стороны, мы можем указать нескольких Рюриковичей, живших в разное время, чьим святым покровителем был Иоанн Креститель, и нескольких Рюриковичей, чьим официальным небесным патроном был Иоанн Лествичник. С другой стороны, что еще более любопытно, в роду неоднократно возникает ситуация, когда княжич именуется *Иваном Ивановичем*, причем его собственным патроном является Иоанн Лествичник, а патроном его отца – Иоанн Креститель. Иван Иванович, сын Грозного, оказывается, таким образом, антропонимическим подобием Ивана Ивановича Красного по имени, отчеству и официальным небесным покровителям. Единственным отличием с точки зрения имянаречения могут быть лишь их непубличные христианские имена, связанные с датой рождения⁶. При этом мы ничего не знаем о неофициальном имени Ивана Ивановича Красного, и, если дата его появления на свет, как следует из летописных данных, строго совпадала с празднованием памяти Иоанна Лествичника, такого второго покровителя у него могло и не быть.

Сложное, «многоступенчатое» уподобление потомка умершему предку издавна встречается в роду Рюриковичей. Осуществлялось оно с помощью различных приемов. Игра на совпадении патрональных святых могла стать еще одним способом такого уподобления. Разумеется, сказанное касается не только христианского родового имени *Иван*.

В этом отношении весьма показательна история имени *Даниил* у Рюриковичей московского дома в XIV в. На печати Даниила Московского, сына Александра Невского, был изображен Даниил Столпник [см.: Янин, Гайдуков, 1998, 67, 166; ср.: Янин, 1970, 2, 12–13; Кучкин, 1995, 93]. При жизни этот князь возвел монастырь и храм, посвященные тому же святому [см.: ПСРЛ, 7, 202; 10, 204; 21 (1), 298; 15 (Рогожский летописец), 46]. Не исключено, правда, что князь Даниил Александрович, приняв схиму, сменил своего небесного покровителя, однако не вызывает сомнения, что в мирской жизни его официальным княжеским патроном был именно Даниил Столпник.

Приблизительно через 16 лет после смерти Даниила Московского, в 1319 г., появился на свет его внук, сын Ивана Калиты, названный в честь деда *Даниилом*. Его

⁶ Подробнее, с указанием литературы, о вторых – непубличных – христианских именах см.: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 71–79].

святым покровителем становится Даниил Столпник, патрональный святой его родного деда. При этом в летописных источниках сообщается, что Даниил Иванович родился 11 декабря, т. е. непосредственно в день памяти Даниила Столпника.

В следующем поколении потомков Даниила Московского появляется еще один Даниил, который был сыном Симеона Гордого и, следовательно, приходился Даниилу Александровичу правнуком. Весьма любопытно, кто именно из святых Даниилов мог быть избран в качестве святого патрона этого княжича. Дата его рождения, 15 декабря 1347 г. [см.: ПСРЛ, 7, 214], приходится между Даниилом Столпником (11 декабря) и пророком Даниилом (17 декабря).

Как правило, даже при самой нежесткой ориентации на месяцеслов в качестве святого патрона для мальчика княжеского рода выбирались те святые, чья память праздновалась после его появления на свет. Впрочем, отступления от этого правила в принципе были возможны, и нельзя полностью исключить, что Даниила Симеоновича нарекли именно в честь Даниила Столпника, который был покровителем его знаменитого прадеда и дяди, умершего в детском возрасте⁷. Иными словами, соображения родовой преемственности могли в явной форме возобладать над ориентацией на месяцеслов. Необходимо учитывать, что пророк Даниил также почитался князьями московского дома. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими более определенно установить небесного патрона Даниила Симеоновича.

Характер повтора христианских родовых имен в XIV в. вызывает вопрос о том, когда именно возникает возможность воспроизведения имени живого предка в имени потомка и необходимость различения их патрональных святых. Выше нам уже приходилось говорить о самых ранних этапах развития подобного принципа выбора имени. Необходимо, на наш взгляд, еще раз подчеркнуть следующие особенности этого раннего этапа.

В ту эпоху, когда князья носили два имени – языческое по происхождению, родовое, и христианское – существовал, как уже говорилось, строгий запрет на повтор родового, мирского имени живого предка и не было запрета на повтор его крестильного, христианского имени. При этом святые патроны предка и потомка могли совпадать. Так, у Владимира-Василия Мономаха был внук Василько, родившийся при жизни деда, а у Всеволода Большое Гнездо был сын, который носил христианское имя и отчество *Дмитрий Дмитриевич*. Его покровителем был Дмитрий Солунский, тот же самый святой был небесным патроном и его отца. По-видимому, Дмитрий Солунский был единственным святым с этим именем, явным образом почитавшимся в династии Рюриковичей.

Однако у этого княжича Дмитрия Дмитриевича, родившегося в конце XII в., было еще мирское имя *Владимир*, отнюдь не совпадавшее с именем его отца⁸. Иными словами, княжич никоим образом не становился полным антропонимическим подобием своего живого отца или деда, несмотря на то, что у них совпадали крестильные имена и

⁷ Б. М. Клосс предполагает, что Даниил Симеонович был наречен в честь Даниила Столпника, никак не упоминая того обстоятельства, что на третий день после рождения княжича приходилась память пророка Даниила [см.: Клосс, 1998, 1, 25].

⁸ Оно было дано ему в честь прадеда, Владимира-Василия Мономаха [см.: ПСРЛ, 2, 674–675, под 1192 г.].

патрональные святые. Характерно, что позднее, когда система нехристианских имен стремительно вытесняется из обихода Рюриковичей, мы уже не встречаем среди князей ни одного Дмитрия Дмитриевича, хотя имя *Дмитрий* было чрезвычайно популярно в династии, встречалось почти в каждом поколении и могло даваться родным братьям в одной и той же семье.

В XIII в., как уже упоминалось, мы обнаруживаем многочисленные черты перестройки системы двуименности. В частности, появляются князья, у которых нехристианское имя совпадает с именем живого отца (например, *Ярослав Ярославич*). С другой стороны, в источниках упоминаются и князья, у которых неизвестно никакое другое имя, кроме христианского, и при этом такое христианское имя также совпадает с отцовским именем (например, *Василий Васильевич*, сын Василия Ярославского). Имя *Василий* к тому времени было, по-видимому, уже прочно утвердившимся родовым христианским именем; иными словами, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Однако в том, что касается XIII в., наши сведения о князьях – тезках своих отцов – настолько фрагментарны, что, как правило, мы ничего не можем сказать об их патрональных святых. Тем более трудно говорить о системе выбора патронального святого в связи с династической стратегией имянаречения.

Для XIV в., как можно предположить исходя из рассмотренного выше материала, относящегося к именам *Иван* и *Даниил*, такая система уже явно существовала и строилась на совпадении или расподоблении патрональных святых двух тезок, принадлежащих к разным поколениям, в зависимости от того, был ли жив старший из них. При этом необходимо помнить, что и в XIV в. двуименность князей не стала полностью христианской. В рассматриваемый период еще встречаются Рюриковичи, носившие старое мирское имя в сочетании с крестильным, христианским (такие, например, как *Ярослав-Афанасий*, сын Владимира Андреевича Серпуховского). Кроме того, невозможно утверждать, что полностью утратилось синкретическое почитание святых-тезок, хотя на первый план действительно выходит их различение.

С точки зрения этого синкретического подхода к культу святых в XIV в. весьма интересно имянаречение сыновей Ивана Калиты. Об одном из них, Иване Ивановиче Красном, уже шла речь выше. Упоминалось, в частности, что на его печатах могли появляться разные иконографические типы тезоименитых святых, хотя в качестве главного небесного патрона этого Рюриковича фигурировал Иоанн Лествичник. Не менее любопытно и наречение старшего брата Ивана Красного – Симеона Ивановича Гордого, а также его младшего сына Симеона Симеоновича, приходившегося Ивану Красному племянником, а Калите – соответственно внуком.

О Симеоне Симеоновиче в летописи сказано, что он родился 3 февраля 1352 г. В этот день праздновалась память Симеона Богоприимца: «Въ лето 6861 месяца фев[раля] въ 3, на память святого отца Симеона Богоприемца и Анны пророчицы, князю великому Семену Иванович[ю] родися сынъ Семень» [см.: ПСРЛ, 15 (Рогожский летописец), 61–62; 7, 217; 10, 225]. Естественно предположить, что коль скоро княжич был назван *Симеоном* и родился 3 февраля, то его святым покровителем стал именно Симеон Богоприимец. Кто же в таком случае был официальным небесным патроном его отца, Симеона Ивановича Гордого?

Как известно, Симеон Гордый родился 7 сентября 1317 г., в день памяти мученика Созонта, причем имя *Созонт*, по-видимому, так или иначе сопровождает князя всю его

жизнь [см.: Каштанов, 1979, 241, примеч. 24; Кучкин, 1989, 99–105; Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 98–99]. Что же касается его родового христианского имени, то с наибольшей вероятностью оно могло быть дано ему по св. Симеону Столпнику (1 сентября) или по св. Симеону Иерусалимскому (13 и 18 сентября).

Существенным аргументом в определении святого патрона князя может служить текст, помещенный в конце заказанного князем Евангелия и Апостола. На свободном обороте листа там помещено паремийное чтение преподобному Симеону Столпнику. По наблюдению О. В. Лосевой, «при реставрации этой книги во второй половине XIV в. все повреждения пергамента и утраты текста были тщательнейшим образом восполнены, кроме оборота последнего листа (значительная часть службы Симеону Столпнику оказалась заклеенной пергаментом при реставрации...), т. е. тексты, посвященные св. Симеону, после смерти Симеона Гордого в 1353 г. стали уже неактуальны» [Лосева, 2001, 128].

Таким образом, можно предположить, что главным патрональным святым Симеона Гордого был Симеон Столпник. Хотя при наречении мальчиков довольно редко двигались по месяцеслову назад, по каким-то неизвестным нам родовым соображениям Симеон Столпник мог оказаться предпочтительнее других святых Симеонов⁹.

В то же время, исходя из сфрагистических данных, как будто бы можно утверждать, что на печатях Симеона Гордого, так же как и на печатях его брата Ивана Ивановича Красного, наблюдается варьирующее, с трудно читаемой атрибутикой изображение патронального святого. Прочтение имени святого на двух типах княжеских печатей не вызывает затруднений. Трудности возникают при интерпретации второй части надписи на печатях, из которой можно было бы понять, о каком именно св. Симеоне идет речь. При этом если изображение на печати, прикрепленной к духовной грамоте князя, с довольно высокой степенью достоверности определяется как изображение Симеона Столпника, то с печатями второго типа такой определенности нет. В. Л. Янин предполагает, что речь может идти об изображении Симеона Богоприимца, исходя именно из такой расшифровки части надписи на печати [см.: Янин, 1970, 2, 26, 29]. По утверждению же О. В. Лосевой, мы и здесь имеем дело с образом все того же Симеона Столпника [см.: Лосева, 2001, 128–129]. Так или иначе, иконография этого изображения является относительно обобщенной и не может быть со всей определенностью соотнесена с другими известными нам изображениями святых Симеонов.

Является ли смешение образов святых-тезок на печатях результатом недостаточной осведомленности резчика, как это предположил В. Л. Янин относительно новгородских печатей Ивана Красного? Не играет ли свою роль здесь также недостаток данных о сфрагистической иконографии той поры у современных исследователей? Или объединение атрибутики различных святых носило сколько-нибудь сознательный характер и свидетельствовало об их неразличении, о совокупном почитании всех святых, носивших одно и то же имя?

Как было сказано выше, в XIV в. стратегия имянаречения уже строилась, по-видимому, на дистрибуции, различении святых-тезок. Подобная дистрибуция могла сочетаться с элементами синкретизма в почитании святых. Строго говоря, такой синкретизм

⁹ Не исключено, что здесь сыграло роль иконографическое, а отчасти и житийное сближение святых Столпников – Даниила и Симеона. Первый из них, как мы помним, был патрональным святым родного деда князя Симеона – Даниила Александровича Московского.

скорее всего никогда не исчезает из повседневного церковного обихода знатных родов. Однако подчеркнем еще раз весьма существенное для нас обстоятельство. В процедуре выбора имени не позднее XIV в. особо важным становится различение небесных покровителей. Иными словами, родовая традиция нашла новое средство для различения потомка и его живого предка – поскольку языческих родовых имен у них за редким исключением уже не было, а родовые христианские имена могли совпадать, то различие проводится по тем святым, в честь которых предок и потомок названы.

Показательна в этом отношении судьба христианского имени крестителя Руси Владимира-Василия Святого в роду Рюриковичей. В домонгольский период имя *Василий* (зачастую в форме *Василько*) одним из первых начинает употребляться как единственное имя князя, совмещающее в себе функции крестильного и родового (мирского) имени. Сочетание *Василий Васильевич* фигурирует уже в XIII в. – так звали, например, одного из Рюриковичей, княживших в Ярославле, – но мы ничего не можем сказать наверняка ни о наличии параллельных мирских имен у этого ярославского князя и его отца, ни об их патрональных святах. Сходным образом обстоит дело с кашинским князем Василием Васильевичем, жившим в XIV в., с Василием Васильевичем, княжившим в Боровске в XV в. и приходившимся внуком Ярославу-Афанасию Владимировичу, и еще с несколькими Рюриковичами, которые носили это имя и отчество.

Несколько иначе дело обстоит с Василием Васильевичем Темным, внуком Дмитрия Ивановича Донского. Ситуация с изображениями патрональных святок на печатях здесь напоминает ту, что мы можем наблюдать вокруг новгородских печатей Ивана Ивановича Красного. Исследователи отмечают, что новгородские печати Василия Темного, на которых присутствует изображение святого, буквально воспроизводят печати его отца и, следовательно, копируют отцовского небесного покровителя. Эта группа печатей характеризуется грубостью работы и небрежностью в исполнении надписи [см.: Янин, 1970, 2, 33].

На печатях Василия Дмитриевича, отца Василия Темного, изображается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии, чья память празднуется 1 января. В летописях указывается, что Василий Дмитриевич родился 30 декабря [см.: ПСРЛ, 8, 19] или 1 января 1371 г. [см.: Там же, 4, 296]. Василий Великий, таким образом, будучи одним из почитаемых на Руси святок, становился его небесным покровителем также по «календарным» соображениям.

О появлении на свет Василия Васильевича Темного различные летописные источники дают разные сведения: по одним он родился 10 марта [см.: ПСРЛ, 25 (Московский летописный свод конца XV в.), 241; 8, 87; 10, 225], по другим – 15 марта 1415 г. [см.: Там же, 6 (2), 40–41; 23, 144]. Есть указания и на еще одно число – 21 марта [см.: Там же, 1 (1846), 234]. Для нас подобный разнобой в датах весьма существенен, особенно значима последняя из них. Вспомним, что разночтения в летописных свидетельствах относительно дня рождения отца Василия Темного таковы: согласно одному из источников, сын Дмитрия Донского родился 30 декабря, т. е. за два дня до празднования памяти своего официального небесного покровителя, Василия Великого. Согласно же другому источнику, он появился на свет непосредственно в день памяти своего патронального святого. Само наличие таких расхождений заставляет предположить, что по крайней мере одна из дат не соответствует действительному дню рождения княжича, а является результатом исчислений летописца, осведомленного о том, кто был официаль-

ным патрональным святым князя. Естественно допустить, что такой искусственной датой было 1 января – день памяти Василия Великого (тот факт, что Василий Великий был патроном Василия Дмитриевича, как кажется, не вызывает сомнений).

Что касается его сына, с небесным покровителем которого дело обстоит далеко не так ясно, то и здесь у нас есть все основания полагать, что некоторые из дат вычислены с помощью месяцеслова летописцем, знавшим официального княжеского святого. В данном случае нас интересует не столько действительная дата рождения Василия Темного, сколько та искусственная дата, которую, возможно, вывел летописец: 21 марта, канун празднования памяти Василия, пресвитера анкирского, скорее всего и является такой исчисленной датой¹⁰. Если это допущение верно, то летописец знал, что патрональным святым князя был Василий Анкирский. Ни 10, ни 15 марта не связаны с каким бы то ни было св. Василием. Ближайшее празднование дня святого с таким именем приходится на 7 марта, когда отмечается память Василия, епископа Херсонского.

Итак, Василий Васильевич Темный скорее всего мог быть назван в честь Василия Анкирского, хотя из круга возможных «кандидатур» нельзя полностью исключить и Василия Херсонского. Над захоронением Василия Темного в Архангельском соборе изображена фигура в святительском одеянии, которую Б. М. Клосс склонен отождествлять с Василием Анкирским [см.: Клосс, 1998, 1, 26]. Само по себе, впрочем, это изображение не противоречит иконографии ни одного из возможных «кандидатов»: так, и Василий Анкирский, и Василий Херсонский, и Василий Великий были епископами и могли изображаться в подобном облачении.

Во всех описанных выше случаях, говоря о патрональном святом князя или его сына, мы зачастую опирались на связь между календарными датами – днем появления на свет интересующего нас Рюриковича и днем памяти святого, ставшего его официальным небесным патроном. Действительно, ребенка чаще всего называли в честь святого, чья память недалеко отстояла от дня его рождения. Тем не менее различие святых покровителей у тезок, отца и сына (в тех случаях, когда оно надежно запечатлено в письменных и неписьменных памятниках), не обусловлено исключительно календарем. Дело не сводится к тому, что отец и сын рождаются в разное время и потому называются в честь разных святых. Как уже говорилось, такому выводу противоречат следующие обстоятельства.

Во-первых, чрезвычайно значимым является тот факт, что отец и сын становятся тезками, получают одно и то же имя по родовым соображениям. При этом по календа-

¹⁰ Впрочем, нельзя полностью исключить и такую возможность, что Василий Темный и в самом деле родился в канун 21 марта, был назван в честь Василия Анкирского, и его официальный и, так сказать, «интимный», неофициальный покровители совпадали. Допустимой такую гипотезу делает следующее обстоятельство: в XV–XVI вв. в письменных источниках существует своеобразный жанр пророчеств о рождении будущего наследника, где они, как правило, фигурируют под своим «непубличным» именем. Между тем в соответствующем пророчестве о предстоящем рождении Василия Темного речь идет только о том, что некий голос в видении велит дать новорожденному имя Василий [см.: ПСРЛ, 6 (2), 40–41; 8, 87]. Мы не знаем времени возникновения этой легенды и меры осведомленности ее авторов о патрональных святых Василия Васильевича. Поэтому она может служить лишь косвенным свидетельством о них. Сами даты появления князя на свет в разных вариантах этой легенды отличаются. О подобного рода искусственных датах рождения, вычисленных летописцем при помощи месяцеслова, см. подробнее: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2002a].

рю сыну мог бы подходить целый ряд других, зачастую вполне употребительных в княжеском роду имен.

Во-вторых, несовпадение святых покровителей у таких тезок носит достаточно регулярный характер. При этом наречение сына в честь отца возможно лишь в тех случаях, когда в роду почитается несколько святых с таким именем. Вспомним в качестве иллюстрации, что в XIV–XVI вв. нет ни одного известного нам Рюриковича, именного *Дмитрием Дмитриевичем*, хотя имя *Дмитрий* само по себе весьма любимо и популярно в династии. Если бы сын получил это имя при живом отце, носившем такое же имя, то их расподобление по святым покровителям было бы невозможно.

Приведем еще один, не менее существенный пример, демонстрирующий системный характер описанной выше закономерности «неполного тождества» при выборе имени для отца и сына. Князь Владимир Андреевич Храбрый, внук Ивана Калиты, судя по летописным данным, появляется на свет 15 июля 1353 г. [см.: ПСРЛ, 4 (1), 286; 6 (1), 431; 7, 217; 10, 226; 15, 63; 24, 121], т. е. непосредственно в день празднования памяти своего великого предка Владимира Святого. Что весьма естественно, новорожденный был наречен *Владимиром*, и соответственно креститель Руси сделался его святым покровителем.

В 1394 г. у самого Владимира Андреевича родился сын [см.: Там же, 8, 64; 11, 156]. Это произошло 9 июля, т. е. совсем незадолго до 15 июля, именин отца ребенка. Замечательным образом, сын получает того же самого небесного покровителя, что и его отец, однако имена их не совпадают. Ребенка нарекают *Василием*, тем именем, которое Владимир Святой принял при крещении. К XIV в. креститель Руси был прославлен под обоими своими именами, имя *Владимир*, таким образом, успело стать христианским, а имя *Василий* – родовым именем русских князей¹¹.

Правило «нетождественности» именования отца и сына в этом случае соблюдено, хотя и нетривиальным способом: они названы в честь одного и того же святого, но поскольку тот обладал двумя именами, отцу досталось одно из них, а сыну другое. На наш взгляд, подобное имянаречение в семье серпуховских князей свидетельствует о пристальном внимании самих Рюриковичей к княжеской двуименности. Любопытно, в частности, что другой сын Владимира Андреевича, родной брат интересующего нас Василия Владимировича, носит – подобно ранним Рюриковичам – два имени: *Ярослав* и *Афанасий*¹². Это один из поздних примеров той княжеской двуименности, когда одно из имен по происхождению было языческим, а другое – христианским. Следует, впрочем, учи-

¹¹ В домонгольской Руси прием распределения имен предка, звавшегося *Владимиром-Василием*, неоднократно использовался. Так, например, один из братьев мог получить имя *Владимир*, а другой – *Василько*. Таким образом, князю Владимиру Андреевичу было на что опереться при выборе имени для своего сына. Однако нельзя не обратить внимания на функциональное различие между такого рода ситуациями имянаречения в XI–XII вв. и в веке XIV, при значительном их внешнем сходстве. В домонгольский период *Владимир* было родовым, нехристианским именем, а *Василий* – именем христианским, «на глазах» превращающимся в родовое. Если ребенка нарекали *Владимиром*, необходимо было дать ему еще одно, крестильное, имя. К XIV в. эти имена, по-видимому, воспринимались как совершенно равноправные, христианские и родовые одновременно.

¹² Крестильное имя *Афанасий* Ярослав получает, судя по показанию летописи, в честь того святого, память которого приходилась на день его рождения (18 января отмечается память Афанасия Александрийского) [см.: ПСРЛ, 8, 52 под 1388 г.; ср.: Там же, 24, 157].

тывать, что подобная двуименность ко второй половине XIV в. отнюдь не была полностью изжита. Так, незадолго до появления на свет Ярослава-Афанасия был, как известно, убит смоленский князь, именовавшийся *Святославом Ивановичем*, и это далеко не единственный пример использования в летописи языческого имени князя в эту эпоху.

По-видимому, на излете традиции христианско-языческой двуименности в практике имяназрения вполне мог использоваться тот факт, что русские святые из числа князей прославлялись под мирским и крестильным именем. Еще в домонгольский период таким образом могла использоваться двуименность самых первых русских святых, Бориса-Романа и Глеба-Давида, – один из братьев-княжичей мог получить имя *Глеб*, а другой *Давид* (или *Борис* и *Роман* соответственно). Позднее в традиции закрепились мирские имена святых братьев; что же касается их отца, Владимира-Василия Святого, то первоначально, по-видимому, использовалось скорее его крестильное имя *Василий*. Во всяком случае, еще в середине XIII в. имя *Владимир* рассматривалось как мирское, а не как крестильное имя князя [см. Макарий, 1995, 604, коммент. 25*, принадлежащий А. В. Назаренко].

Путь, пройденный княжеской традицией имяназрения с конца XII в. до второй половины XIV в., хорошо виден при сопоставлении таких примеров, как наречение Владимира-Дмитрия, сына Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, и выбор имени для Василия Владимировича, сына Владимира Андреевича Храброго. Как уже упоминалось в нашей статье, в конце XII в. отец и сын носят одинаковые христианские имена, и у них один и тот же небесный патрон – Димитрий Солунский, – но именование их нетождественно, так как их княжьи (мирские) имена различаются. Сына зовут *Володимиром*, а отца *Всеволодом* (при этом одна из основ мирского имени сына воспроизводит одну из основ имени отца¹³). В конце XIV в. отец и сын, уже не имеющие, по-видимому, языческих, княжских имен, получают одного и того же патронального святого, но именование их по-прежнему нетождественно, так как они наречены разными именами этого святого покровителя.

Таким образом, родовая стратегия выбора имени претерпевает значительные изменения. Привлекательная для династии возможность – отразить преемственность по отношению к своему правящему отцу в совпадении их официальных имен – широко используется в XIV–XVI вв. Однако это совпадение, по-видимому, никогда не бывает полным, и, следовательно, соблюдается в той или иной форме древний родовой запрет на тождество имен потомка и живого предка.

Одной из ярких примет имяназрения поздних Рюриковичей является совпадение в некоторых семьях имен родных братьев или сестер, живущих в одно и то же время. На наш взгляд, в домонгольский период истории династии такая ситуация была бы невозможной, во всяком случае в том, что касается мирских, языческих по происхождению имен. В ту пору родовое имя младшего брата или сестры могло совпадать с именами старших детей в семье только в том случае, если этих старших уже не было в живых к моменту рождения младших. С тех пор как христианские имена укореняются в качестве родовых, мы знаем довольно много случаев, когда имена детей в одной княжеской семье совпадают.

¹³ О повторе и варьировании родовых основ у Рюриковичей см. подробнее: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2003, 136–183].

Так, в семье уже упоминавшегося Владимира Андреевича Храброго было два сына по имени *Андрей*, у внука Владимира Андреевича, Василия Ярославича, от разных браков было два сына по имени *Иван*, у Михаила Александровича Тверского было два сына Александра, у Андрея Александровича Ростовского – два Ивана, у Федора Андреевича Ростовского – тоже два Ивана, наконец, еще два Ивана было у Василия Васильевича, правнука Федора Черного. У Константина Васильевича известны два сына Дмитрия – Дмитрий Суздальский и Дмитрий Ноготь. У Ивана III, как известно, было две дочери Елены, у Юрия Звенигородского два сына Дмитрия (Шемяка и Красный), а у Василия Темного в семье было два сына Юрия и два сына Андрея. Наконец, *Дмитриями* звали двух сыновей Ивана Грозного. Как показывают все эти примеры, речь всюду идет о родовых, династических именах Рюриковичей, встречающихся далеко не только у братьев и сестер тезок.

Этот список, несомненно, мог бы быть продолжен, трудность же заключается в том, что мы не всегда можем установить, жили ли эти тезки одновременно. В некоторых случаях точно известно, что младший появился на свет после смерти старшего. Так, царевич Дмитрий, сын Грозного и Марии Нагой, появился на свет много лет спустя после смерти своего единокровного брата Дмитрия, сына Грозного и царицы Анастасии [см. подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, 75–78; 2002а, 118–123]. Елена Ивановна, дочь Ивана III, родилась через 10 дней после смерти своей старшей сестры-тезки. При этом мы можем утверждать, что и у двух Дмитриев, и у двух Елен были одни и те же небесные покровители – Дмитрий Солунский и царица Елена¹⁴. Это вполне соответствует родовым обычаям, когда живого называют в честь умершего и при этом стремятся не оставлять «вакантными» значимые для династии имена.

Более интересны случаи, когда заведомо известно, что младшему ребенку давали имя старшего брата при жизни последнего. Как уже упоминалось, два живших одновременно сына Ивана были, по-видимому, у Василия Ярославича, сына Ярослава-Афанасия и внука Владимира Андреевича Храброго. О датах их жизни известно сравнительно немного: старший бежал в Литву ок. 1456 г. и умер ок. 1508 г. [см.: ПСРЛ, 8, 147; АЗР, 3, 363–364], тогда как другой родился до 1456 г., а умер до 1483 г. [см.: Baumgarten, 1934, 33, 35]. Их отец, Василий Ярославич, был женат дважды. Скорее всего старший и младший Иваны родились от разных жен. Не исключено, что новый брак означал некоторую новую точку отсчета в семейном именовании, но сведения, которыми мы располагаем об этих двух князьях, столь немногочисленны, что мы едва ли можем сказать что-либо определенное об их месте в общеродовой системе именования и об их патрональных святах.

Гораздо более очевидна ситуация с имянаречением двух братьев в семье Юрия Дмитриевича Звенигородского. Юрий дважды дает имя деда, *Дмитрий*, своим сыновьям, известным впоследствии как Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Для нас особенно существенно, что судьба этих княжичей, один из которых сумел на время добиться московского стола, хорошо известна, и не может быть никаких сомнений, что

¹⁴ Первая дочь Елена родилась у Ивана III 18 апреля 1474 г. [см.: ПСРЛ, 8, 179; 12, 154]. Она была названа в честь царицы Елены, память которой отмечалась 21 мая. Елена Ивановна скончалась 9 мая 1476 г., а 19 мая 1476 г. родилась другая дочь Ивана III, названная вновь *Еленой*, также в честь царицы Елены [см.: Там же, 8, 182; 12, 168].

они жили и действовали одновременно. Дмитрий Шемяка не умер до рождения Дмитрия Красного, иными словами, младший из братьев, безусловно, становится тезкой старшего при жизни последнего. Можно допустить при этом, что официальным небесным патроном обоих братьев был Дмитрий Солунский (26 октября), так как других святых Дмитриев, официально чтимых княжеским домом, как кажется, не было.

Показательно, что племянник и соперник Юрия Звенигородского, князь Василий Васильевич Темный, подобно дяде, также, по-видимому, назвал одного из младших сыновей именем его старшего живого брата. Речь идет об Андрее Васильевиче Большом (Угличском) и Андрее Васильевиче Меньшом (Вологодском). Как известно, 13 августа 1446 г. у Василия Темного родился сын Андрей [см.: ПСРЛ, 8, 119; 12, 71; 20 (1), 260; 6 (2), 117 (здесь 3 августа)]. Он был крещен вероятнее всего в честь Андрея Стратилата, чья память праздновалась 19 августа. 8 августа 1452 г. у Василия Темного родился сын, также названный *Андреем* [см.: ПСРЛ, 8, 144 под 1453 г.; 12, 77 (здесь 1 августа); 20 (1), 262]. Естественно предположить, что и он получил в качестве официального небесного патрона Андрея Стратилата.

Скорее всего в наречении княжичей сыграл определенную роль календарь: коль скоро оба они родились незадолго до празднования весьма почитаемого в княжеском роду святого, чье имя носили многие из их предков Рюриковичей, оно было сочтено наиболее подходящим. То, что к моменту рождения Андрея Меньшого у него уже был родной брат с тем же именем и тем же официальным небесным патроном (?), не стало препятствием для подобного имянаречения. Помимо всего прочего, перед глазами у родителей был пример двоюродного деда детей, Юрия Звенигородского, также давшего своим сыновьям одинаковые имена.

Однако чтобы оценить, в какой степени имянаречение детей определялось датой их рождения, следует рассмотреть этот случай в рамках общей картины выбора имени в семье Василия Темного. Напомним, что у этого князя была не одна пара сыновей-тезок. Кроме того, у него были дети, чье появление на свет приходилось на одну и ту же календарную дату.

В летописях отмечается, что два сына этого князя родились с интервалом в год в один и тот же день одного и того же месяца, 22 января, в день празднования памяти апостола Тимофея: «...князь Юрий родися месяца генваря 22, на Тимофеевъ день; а дотолѣ за годъ на тогъ же день родися князь великий Иванъ Василиевичъ» [см.: ПСРЛ, 8, 111; ср.: Там же, 12, 39]. Подчеркнем, что Иван Васильевич и Юрий Васильевич приходятся друг другу родными братьями. Эти княжичи, родившиеся в один и тот же день, но в разные годы, получают одного и того же неофициального покровителя, апостола Тимофея, но при этом им дают разные официальные имена (хотя именно в семье Василия Темного есть, как мы помним, случай наречения двух одновременно живущих братьев одним и тем же именем *Андрей*). Соответственно у Ивана и Юрия не совпадают официальные патрональные святые. Иван, как уже отмечалось, нарекается в честь Иоанна Златоуста и, кроме того, его имя является родовым (его, в частности, носил родной прадед княжича Иван Калита).

Что же касается младшего из братьев, родившегося в день памяти апостола Тимофея, то он, судя по тому, как дело изложено в летописи, назван в честь недавно умершего родного брата Юрия (первенца Василия Темного): «Того же лета преставися князь Юрьи болшей, а другой князь Юрий родися...» [см.: ПСРЛ, 8, 111]. Имя *Юрий* (*Геор-*

гний) было «архиродовым» для Рюриковичей. Кроме того, оно играло особую роль в династической политике Василия Темного, ибо его носил Юрий Дмитриевич Звенигородский, имевший по древней традиции большие права на московский стол, чем Василий. Первенец Василия Темного появился на свет после смерти Юрия Дмитриевича, и для династической стратегии Василия стремление «перенять» властные права дяди было, по-видимому, более существенно, чем память о вражде с ним. Вообще, как уже говорилось, Василий Темный, по-видимому, пользуется несколькими «приемами» при выборе имени, сближающими его собственную семью с семьей дяди.

Когда же княжич Юрий Большой умирает (он прожил всего три года), значимость имени *Юрий* для московского дома лишь возрастает. Теперь к идее преемственности династических прав присоединяется и желание уподобить младшего сына старшему, первенцу. Пример с наречением Юрия Младшего особенно явно демонстрирует преобладание династического начала над календарным. Дата рождения ребенка довольно далека от дней празднования памяти кого-либо из традиционно почитаемых на Руси святых Георгиев. 8 января, правда, празднуется память Георгия Хозевита, однако, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, почитание этого святого не было особенно широко распространено на Руси. Кроме того, наречение в его честь предполагало бы отсчет по месящеслову назад на целых две недели, что делает ориентацию на месящеслов весьма условной¹⁵.

Вместе с тем непосредственно 22 января греческая церковь празднует память мучеников, пострадавших от болгар. Среди них есть и Георгий. В известных нам русских месящесловах эта память не отмечается. По-видимому, нельзя полностью исключить возможность, что этот праздник был известен в семье Василия II из каких-либо византийских источников, но это представляется маловероятным, тем более что в любом случае этот святой мученик Георгий не относился к числу святых, традиционно почитаемых у Рюриковичей.

Итак, мы видим, что в семье Василия Темного существовали самые разнообразные соответствия в именах сыновей. Два мальчика получили в качестве официального покровителя св. Андрея (19 августа), причем оба они родились в первой половине августа, и старший из них был жив к моменту появления на свет младшего. Еще двое сыновей в семье носили официальное имя *Юрий*, но в этом случае рождение младшего достаточно далеко отстоит от празднования памяти кого-либо из святых Георгиев, почитаемых домом Рюриковичей, и наречен он по имени рано умершего старшего брата (и, опосредованно, по имени двоюродного деда). При этом Юрия Васильевича Младшего можно назвать «тезкой» и другого его брата, Ивана Васильевича, так как оба они родились в день празднования апостола Тимофея (22 января), что специально подчеркивается в источниках. Можно предположить, что их неофициальные (дополнительные) имена совпадали.

Таким образом, тезками по официальным (публичным) именам вовсе не обязательно оказываются те братья, которые родились в один день. При этом само совпадение имен детей одного отца, живущих одновременно, к XV в., на наш взгляд, не находится

¹⁵ В семье Василия Темного есть случай наречения с отсчетом по месящеслову назад. Так был назван шестой сын князя, Борис, родившийся 26 июля 1449 г. [см.: ПСРЛ, 20 (1), 261]. Как известно, 24 июля празднуется память святых Бориса и Глеба.

под запретом. Это несколько противоречит традициям именования у Рюриковичей в домонгольскую эпоху. Здесь мы как будто бы не находим примеров, когда младшего брата называют именем, которое уже «занято» живущим старшим. Тем не менее в ту эпоху легко допускалось совпадение имен двоюродных братьев, при том что между ними предполагались зачастую большая близость и большее равенство, чем во времена доминирования московского дома. Складывается впечатление, что многочисленные повторы одних и тех же имен в пределах одного поколения на, так сказать, горизонтальном срезе генеалогического древа в целом не возбранялись.

Вопрос о том, почему подобная тенденция была доведена до своего логического завершения, до буквального повтора одного и того же имени у родных братьев, едва ли можно считать решенным. Не исключено, что здесь сыграло свою роль стремление любой ценой закрепить значимое для династии имя в собственной ветви рода, стремление «подстраховаться» на случай смерти одного из его носителей.

Для нас гораздо более существенна возможность совпадения святых покровителей у таких братьев-тезок. Иными словами, в горизонтальной перспективе у Рюриковичей не существовало запрета на полное тождество официального именования двух родичей. У них могли быть одинаковые отчества, одинаковые официальные имена и одинаковые патрональные святые. В этом случае они различались только по своим дополнительным именам и непубличным святым покровителям. В определенном смысле перед людьми, перед своими подданными они должны были выглядеть практически как одно и то же лицо и различались лишь перед Богом.

Итак, с XIV в. в многомерной системе именования у Рюриковичей постепенно утверждается еще один фактор – возможность давать одинаковые христианские имена в честь разных святых. Такая возможность позволяет примирить две тенденции – родовую и собственно династическую. Архаический принцип, запрещающий полное совпадение имени живого предка и потомка, продолжает действовать, но при этом реализуется стремление правителя обозначить наиболее наглядно свою связь с наследником, преемственность сына по отношению к отцу. Отец и сын могли с определенного периода носить одинаковые христианские имена, не являясь при этом в полной мере тезками.

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографическою комиссиею: В 5 т. СПб., 1846–1853.

Арх. Сергей (Спаский). Полный месяцеслов Востока: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп. Владимир, 1901. (Репринт: М., 1997.)

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 3–39.

Карамзин Н. М. История государства российского: В 12 т. СПб., 1892. (Репринт: Slavistic printings and reprintings / С. Н. van Schooneveld. Paris, 1969.)

Кашианов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л., 1979. С. 238–251.

Клосс Б. М. Избр. тр.: В 2 т. М., 1998.

Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 99–106.

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Из истории России XVI века: реальные имена и мнимые даты в жизни Дмитрия Угличского // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 17–19 апреля 2002 г.: Материалы конференции. М., 2002а. С. 118–123.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: История и современность. 2002 / Отв. ред. А. В. Назаренко. М., 2002б. С. 36–109.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Варьирование родового имени на русской почве: об одном из способов именаречения в династии Рюриковичей // Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2003. С. 136–183.
- Лосева О. В.* Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Генезис как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Материалы конференции. М., 2001. С. 126–133.
- Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской церкви. Кн. 2. История русской церкви в период совершенной ее зависимости от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995.
- Мельник А. Г.* Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999 (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). С. 38–48.
- Орешиников А. В.* Материалы к русской сфрагистике. М., 1903.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003. Т. 1–42. (В случае переиздания летописи мы всегда ссылаемся на последнее издание.)
- Постникова-Лосева М. М.* Три камня Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 220–233.
- Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
- Успенский Б. А.* Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. тр.: В 3 т. М., 1996–1997.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.
- Baumgarten N.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides russes du XIIIe au XIVe siècle. Roma, 1934 (Orientalia Christiana. Vol. 35, 1. Num. 94. Iunio).

* * *

Анна Феликсовна Литвина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Федор Борисович Успенский – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).